

Latgalīte
Aņnenis muote
Латгалите
Мать Аннушки

Izdavuma sagataveišonu i izdūšonu pabalsteja

Latgalīte. Annenis muote. — Латгалите. Мать Аннушки / перевод О. К. Баяндиной / отв. ред. А. В. Андронов, Л. Лейкума. — Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края, 2007. — 47 с. — [Библиотека Ачинского латгальского общества, II.]

Prīškvuordi

Ceļu pi skaiteituoja suoc vėl nabejuša gruomota — stuosts «Aņnenis muote» divejuos volūduos (mēlēs): latgaliski i krīviski. Juo autore — Latgalīte, eistā vuordā Antonina Čivle (dzymuse 1905. goda 1. novembrī Pīterpilī viļūonīšu Veronikys i Pītera Lauzinīku saimē, kristeita sv. Katris bazneicā; 1919. godā jūs saime atsagrīž Latvejā; myruse 1994. goda 19. novembrī Viļānūs, paglobuota Aglyunā). A. Čivle — dzili ticeigs cylvāks, juos stuostūs dominej ļaužu atteiceibu tykumiskī vaicuojumi.

Stuosts «Aņnenis muote» saraksteits paguojušuo godu symta 40. godūs, itam izdavumam sagataveits piec pyrmuo publiciejuma 1943. goda rokstu kruojumā «Olūts» (4. nr.), lobojuūt raksteibu i, nadaudzi, stilu. Šur tur styurainajuos īkovuos liktī sinonimi paleidzēs tekstu saprast dreizuo.

Pagarais stuosts viestej par breineigu jaunys sīvītis izaveseleišonu, kam paleidz Aglyunys Dīva muote.

Nu krīvu volūdys latgaliski Krīvejā tulkuots daudz. Iz vysa vaira 20. g. s. 30. godūs, kod Sibira latgalīšu školom gataveja sovus školuojuos, vuiceibu gruomotys. Deļ t. s. suokuma školu, napylnūs vydsškolu nu krīvu volūdys tulkuoja bārnim pīmāruotus stuosteņus, dzejūleišus. Nu latgalīšu volūdys iz krīvu tulkuojumu tikpat kai nav.

Stuostu «Aņnenis muote» nu latgalīšu volūdys krīviski tulkuojuse Krasnojarskys nūvoda Ačynskā dzeivojūšuo latgalīte Oļga Bajandina, nazkodejuo latgalīšu školuojuo Kazimera Styurainā (Styuranu Kazmera) meita. Latgalīšu raksteibu vuicejusēs Latgalīšu volūdys i kulturys zīmys skolā Ačynskā 2006. goda janvarī.

Vuiceisimēs niu i mes, kas itū gruomateņu turim rūkuos! (Kas natur, stuostu var skaiteit Ačynska latgalīšu bīdreibys sātys puslopā: <http://www.latgalec-ru.narod.ru>)

Saule lieni sleidēja iz leju i vysu azara viersu kruosuoja zaltainā kruosā. I Aņnenis ustobys lūga styklys atspeida sorkons, sorkons... Tivejā bazneicā zvaneja iz «Kunga Eņģeli». Zvonu skaņom pīsavīnuoja vēļ cytys skanis, kuruos plyuda caur Aņnenis ustobys atdareitajom durovom. Sovaidys beja ituos skanis: kai lyugšona... kai vaimaniešona...

Nui, tī beja lyugšona, tī beja vaimanis. Lyudzēs sasalasejušuos sīvītis, vaidēja Aņneņa. Juos muote, juos duorguo mameņa gulēja gultā i leidza ar rītūšū sauli taisejuos pamest Aņneņu.

Meitine žieli voikuoja:

«Mameņ... mameņ... Tu pamet mani vīnu... Vīnu vysā pasaulī...»

Mierstūšuo sīvīte ar gryuteibom attaiseja acs, lieni juos pagrīze iz meitys pusi, ilgi vērēs i klusi, tikkū dzierzami atsaceja:

«Mameņa... Aglyunā... tev... par... muoti...»

Gribēja vēļ reizi puorkristeit raudūšū meiteņu, bet rūka, tikkū pacalta, navareigi atkryta atpakaļ. Mierstūšuo aiztaiseja acs. Elpa palyka gausuoka... vuojuoka, nūdrebeja ocu vuoki, kreisuos acs skrūpstuos pasaruodeja lela, dzydra osora, i dzeiveiba leidza ar sauli nūrītēja...

* * *

Guoja godi. Aņneņa auga vīntuleibā. Jei apkūpe muotis pamastū gūteņu, sovu duorzeņu, sprēde lynus i vylnu, paleidzēja siebrineicom dorba laikā i daudz lyudzēs. Vacuo Muora, kurei piec Aņnenis muotis bieru īsapraseja pi buorineitis dzeivuot, naspieja ituos vīntuleibys kleidynuot.

Muora Aņneņai beja sveša kai piec mīsyt, tai dvieselis. Nu reita da vokora jei tarkšēja leidza sovam rateņam: runuoja i runuoja... Jei zynuoja tik daudz kuo stuosteit! Stuosteja par vysim i ari par sevi: kai jauna dzeivuojuse, cik bejuse skaista i gudra, kai braukuši svuoti, kai jim atsacejuse, i daudz, daudz cyta... Vyss itys

Солнце медленно клонилось к закату и всю поверхность озера окрасило в золотистый цвет. И окно анниного домика отсвечивало красным-красным. В костёле поблизости звонили к молитве «Ангел Господень». К звукам колоколов присоединялись другие, которые доносились из открытых дверей анниного домика. Совсем другим был этот звук: как молитва... как причитание...

Да, это была молитва, это были причитания. Молились собравшиеся женщины, стонала Анна. Её мать, её дорогая матушка лежала на кровати и вслед за заходящим солнцем собиралась покинуть девушку.

Аннушка жалобно причитала:

— Мамочка... мамочка... Ты оставляешь меня одну... Одну на всём белом свете...

Умиравшая женщина с трудом открыла глаза, медленно повернула их в сторону дочери, долго смотрела и тихо, чуть слышно, ответила:

— Матушка... Аглонская... тебе... за... мать...

Хотела ещё раз перекрестить плачущую дочку, но рука, едва поднявшись, тут же бессильно упала. Умиравшая закрыла глаза. Дыхание постепенно становилось медленнее, слабее, вздрогнули веки, на ресницах левого глаза появилась большая, прозрачная слеза, и жизнь вслед за солнцем угасла.

* * *

Шли годы. Анна росла в одиночестве. Она ухаживала за оставшейся после матери коровой, своим огородиком, пряла лён и шерсть, помогала соседкам в страду и много молилась. Старая Муора, которая после похорон попросилась жить у сироты, не могла спасти девушку от одиночества.

Муора не была близка Анне ни телом, ни душой. С утра до вечера она трещала, вторя своей прялке: говорила и говорила. У неё было так много рассказов! Рассказывала обо всех и о себе: как в молодости жила, какой была красивой и умной, как приезжали сваты, как им отказывала, — и ещё многое-

Aņņeņai nagoja pi sirds. Nu taidu stuostu sirds cytu reizi pat suo-
pēja. Aņņeņa zynuoa, ka jei nav skaista, ka precinīki pi juos na-
brauks, ka biedeiga i vīntuleiga jei sovu dzeivi nūdzeivuos pi
kūdelis... Jei nasadzyna piec puišu partū ka gribēja palikt par
«muoseņu», bet i itamā juos gribiešonā beja sovs ryugtums. «Ka
jau ituos zemis precinīki meklej skaistys leigoyys (ļaudovys), voi
tod dabasu Precinīkam lai byutu leigova nagleita? Voi taidu Jis
sev gribēs jimt?» — bīži dūmuoja meitine, i apziņa, ka ni zemei,
ni dabasim jei nader, piļdeja juos sirdi ar ryugtumu, bet acs ar oso-
rom. Namīļuoja partū Aņņeņa vacuos Muorys stuostu, bet, nagry-
bādama jai līgt runuot, raudzeja itūs stuostu nadzierdēt: grīze tik
dreizi sovu rateņu i klusi vylka kaidu naviņ dzīsmēiti.

Aņņeņa mīļuoja mogonu zīdus, partū ka juos mameņa tūs beja
mīļuojuse. Jai patyka, kai tī kvāluoja rītūšuos saulis sorkonā
apgaismuojumā. Sorkonu mogonu Aņņeņai beja pylns puču duor-
zeņš. Saulei rītūt, Aņņeņa mīļuoja sēdēt pi valeja lūga, vāruot
bluozmojūšū azaru, azarā grymstūšū sauli, kvālojūšuos mogonys i,
«Kunga Eņgeļa» zvonim skanūt, dzīduot sovai Muotei Aglyunā
sveicīni. Tū dareit jei mīļuoja svātdīnis vokorūs, kod palyka sātā
vīna. Vacuo Muora parosti nūguoja da sābru parunuot, a vysī cīma
jaunī, meitys i puiši, lasejuos lelajā Žogotu ustobā «večerynkā».
Taiduos reizēs Aņņenis nivīns natraucēja.

Ai! Kaidus pasaulus jei tod naizceļuoja, kaidys piļs napuor-
staiguoja! Kur tik naaizliduoja juos dūmys!... Te juos muove (peļ-
dēja) par mīreigū, bluozmojūšū azara viersu, te nūgryma dzeļmē pi
iudiņa veča, te pasacēle iz muokūņu ap sauli, te laidēs vēļ tuoļuok
pi myrušuos muotis iz dabasim. Itaidūs breižūs i poša jei puorsa-
vērte. Juos gaišuos zaltainuos bizzis i motu sprūgys ap pīri zaiguoja
saulis storūs, plotuos acs, par kurom Muora tai bāduoja, palyka
tymsys i dzilis kai azars, vyss augums leidza dūmom snīcēs iz

многое. Всё это было Анне не по душе. От этих разговоров иногда даже болело сердце. Анна знала, что она не отличается красотой, что женихи к ней не приедут, что, бедна и одинока, она всю жизнь проведёт за прялкой. Она не желала приезда женихов, потому что хотела стать «сестрой», но и в этом её желании была своя горечь. «Если уж земные женихи ищут себе красивую невесту, неужели пусть небесному Жениху достанется некрасивая? Разве такую он захочет себе взять?» — часто думала девушка, и сознание того, что ни для земли, ни для небес она не годится, наполняло её сердце горечью, а глаза слезами. Не любила поэтому Анна рассказов старой Муоры, но и не запрещала ей говорить, а просто старалась не слушать: только быстрее крутила свою прялку и тихо напевала какую-нибудь песенку.

Анна любила цветы мака, потому что её матушка любила их. Ей очень нравилось, как они горели в красном свете заходящего солнца. Красного мака у Анны был полный цветник. На закате солнца она любила сидеть у окна, смотреть на сверкающее озеро, тонущее в нём солнце, рдеющие маки и под звуки колокола к вечерне славить пением свою Аглонскую Мать. Она любила делать это в воскресные вечера, когда оставалась дома одна. Старая Муора обычно уходила к соседям поболтать, а вся деревенская молодёжь, девушки и парни, собиралась в большом доме Жогот на вечеринку. В такие вечера Аннушку никто не тревожил.

Ах, в каких только мирах она тогда не путешествовала, какие дворцы не посещала, куда только не залетали её мечты. То они парили над спокойной блистающей поверхностью озера, то погружались в водные глубины, то поднимались над облаками к солнцу, то пускались ещё дальше в небеса к душе умершей матери. В такие моменты она и сама преображалась. Её светлые золотистые косы и кудряшки над лбом светились в лучах солнца, огромные глаза, по поводу которых так горевала Муора, становились темными и глубокими как озеро, всё тело вслед за мыслями стремилось вверх, и вся она, освещён-

augšu, i vysa jei, saulis apmyrdzāta, izavēre kai lela, stolta saulis puče sorkonu mogonu duorzā.

Taidu jū reizi īraudzeja Ūzulu Juoņs, — īraudzeja i palyka iz vītys, kai dasīts. Tik skaista beja itei Aņņeņa saulis i mogonu rūtuojumā! I juos acs beja skaistys. A moti... Tī jau beja eists zalts!

Kai apbūrts jauneklis ilgi vērēs meitinē. Tod jei vēļ suoce dzīduot. Skanis, syltys, meikstys kai samts, meili glaudēs juo sirdei. Vyss tys, kū Juoņs tikkū beja pamets Žogotu ustobā, par reizi jam palyka rībeigs. Meitys i puiši, kuri tī doncuoja i lēce kai satracynuoti dzeivinīki, beja zaudiejuši pat izskotā kuorteibu. Trokajā daņcī jim izjuka moti, sasorka i nūsveida sejis <mutis> i tik nagleiti speidēja... Vyss pi jūs beja nakuorteigs i nateirs. A te... Itei buorineite ar apsasmītajom «plotajom» acim saulis i mogonu rūtā beja kai puorsokys priņcese, kai Saulis meita...

Juoņs apsavēre sovys drēbis i rūkys i, izruovs nu kuldys <kārmana> spīgeleiti, pasavēre jimā... nūsaglobuoja tuoļuok aiz kryuma... gribēja īt paceli, tik navarēja. Aņņeņa vys dzīduoja. Jei dzīduoja par sauli, par buorinim bārnim, par uobeļneicu... Ai! Itei dzīsmē! I tei, kurū dzīduoja tī apreibušī jaunīši, kurū i jis beja viļcs leidza... Juoņs nūsleidēja zuolē i dūmuoja. Kod saule jau nūrītēja i ari Aņņeņa, aizdarejuse lūgu, pagaisa ustobys dybynā, Juoņs lienigar azara molu pa kryumim aizavylka iz sovu sātu...

Juoņa sāta — «Ūzuli» — beja Aņņenis ustabeņai kaimiņūs. Ceļš nu «Ūzulu» guoja garum juos ustobai i duorzam, gar Stykuonu sātu iz lelceļa. «Ūzuli» beja boguota saimisteiba. Vysi kuormi beja jauni, naseņ calti. Dzeivojamuo sāta lela, ar daudz lūgim i verandu, ar divim lelim ūzulim verandys prīškā. Teirumi ploti, ploti...

Vyss tys pīderēja Juoņam. Jam nabeja ni bruoļu, ni muosu, tik vaca, koč vēļ i stypra muote. Jau vacmeitys godūs jei beja pajāmuse sev prymaku, Juoņa tāvu, tik nailgi ar jū dzeivuoja. Juoņa

ная солнцем, была похожа на большой, стройный подсолнух в цветнике среди красных маков.

Такую её однажды увидел Юонь Узул — увидел и обомлел. Как прекрасна была Анна в украшении солнца и маков! И глаза её были прекрасны. Но волосы... Это уж было истинное золото!

Завороженный, юноша долго смотрел на девушку. И вдруг она запела. Звуки, тёплые, мягкие как бархат, ласкали его сердце. Всё то, что только что оставил Юонь в доме Жогот, сразу стало ему противно. Девки и парни плясали и прыгали там как одуревшие животные, забыв о приличии. В сумасшедшем танце у них растрепались волосы, покраснелись и вспотели лица и так некрасиво блестели... Везде царил беспорядок и порок. А здесь... Эта сиротинка с высмеянными «глазницами» в украшении солнца и маков выглядела как сказочная принцесса, как дочь Солнца...

Юонь оглядел свою одежду и руки и, вытащив из кармана зеркальце, осмотрел своё лицо... Спрятался дальше за куст... Хотел уйти, но не мог. Анна всё пела. Она пела о солнце, о сиротливой жизни, о яблоньке. Ах, эта песня! И та, которую пела там охмелевшая молодёжь, которой и он подпевал... Юонь сел на траву и задумался. Когда солнце закатилось и Анна, затворив окно, тоже исчезла в глубине комнаты, Юонь по кустам вдоль озера, не спеша, поплёлся к себе домой.

Усадьба Юоня — «Узулы» — была расположена по соседству с домиком Анны. Дорога от Узулов шла вдоль её дома и огорода, вдоль усадьбы Стыкуонов на большак. «Узулы» были богатым хозяйством. Все постройки были новые, недавно поставленные. Жилой дом — большой, со многими окнами и верандой, с двумя большими дубами перед ней. Поля огромные...

Всё это принадлежало Юоню. У него не было ни братьев, ни сестёр, лишь старая, но ещё крепкая мать. Уже в немолодые годы она взяла к себе примаком отца Юоня, но недолго с

tāvs, īsaukts karā, kryta. Tai Juoņs auga par vīneigū maņtinīku plašajai «Ūzulu» sātai.

Jis izauga stolts i lels, i juo lepneiba auga jam leidza. Piec juo skuma skaistuo Stykuonu Anele, iz juo cerēja boguotuo Strodu Iļža, a Juoņs meklēja laimis cytur, tuoli. Tuolus nūvodus jau jis beja apbraucs, leigovys maklādams, tik vys naatroda pa prutam. Muote praseja: lai tok precejūtīs dreīžuok! Lai jamūt Stykuonu Aneli — kam vēļ byušūt tik skaista sīva? Nagrib Anelis, lai jamūt Iļžu — kur lels pyurs! Juoņs tik nūšņuoce iz taidu runu. Naasūt vēļ godi šam puori, vys jau atrasšūt sovu «laimeiti», i meklēja juos.

Bīži staiguodams gar Aņnenis sātu, iz juos pusis jis pat napa-savēre, cytureiz Aņneņu pat pasveicynuot aizmiersa. Kas jei beja? Buorine, nabadzeiguo, nagleituo. Juoņa acīs jai nabeja nikaidys vierteibys, i jis lapni nese sovu boguoteibu Aņneņai garum. I te, itys saulis rīts...

Rītūšuo saule, kurei sorkona atspeidēja mogonuos i Aņnenis motu zaltā, ruodīs, īkurynuoja gunkuru, nā! — guņsgrāku Juoņa sirdī. Daga tys i naryma. Nu ocu vys nagaisa mogonu duorzs ar zaltainu saulis puči, ausīs skanēja bazneicys zvons i Aņnenis dzīsmē.

«Raug, kur tova laimeite,» — pukstēja ⟨tuktuoja⟩ nūslāpumai-ni sirds.

«Ubiedze,» — pretim sliejuos pruots.

«Laimeite, laimeite...» — sirds sauce otkon i otkon.

Juoņs palyka sovaids. Juo naredzēja vairs «večerynkuos», pat ar Iļžu i Aneli jis nagribēja runuot, i svuotūs vaira nabrauce. Ēst jis nagribēja pat vysgorduokūs iedīņu, kū jam muote lyka priškā. I iz tolku jis nabeja dabojams. Vysi nūsprīde, ka Juoņs ir slyms. Muote bāduojuos, draugi — drusku skuma.

Vīnā vokorā Juoņs, īgrims puordūmuos, sēdēja iz sūla ūzulu storpā. Muote, daguojuse nu mugorys, izlyka jam rūku iz placa i lieneigi runuoja:

ним прожила. Отца забрали на войну, где он погиб. Юонь рос единственным наследником усадьбы Узулов.

Он вырос высоким и статным, и вместе с ним росла его гордыня. По нему сохла красавица Анеля Стыкуон, на него имела виды богатая Ильжа Строд, но Юонь искал счастья на стороне, далеко. Много мест он объездил в поисках невесты, но никак не мог найти по душе. Мать умоляла: пусть женится быстрее! Пусть берёт Анелю Стыкуон — у кого ещё будет такая красивая жена? Не хочет Анелю, пусть берёт Ильжу — какое приданое! Слушая эти разговоры Юонь лишь фыркал. Не так уж он стар, успеет найти своё счастье — и искал его.

Проходя мимо анниного домика, он даже не смотрел в его сторону, зачастую забывал поздороваться с ней. Кто она была? Сирота, убогая, некрасивая. В глазах Юоня она не представляла никакой ценности, и он гордо шествовал со своим богатством мимо Анны. И вдруг этот закат...

Заходящее солнце, рдевшее в маках и золоте аннинных волос, казалось, зажгло костёр, нет! — пожар в сердце Юоня. Горел тот и не угасал. В глазах не меркло видение макового цветника с золотым подсолнухом посередине, в ушах слышался церковный звон и песнь Анны.

— Видишь, где твоё счастье! — таинственно стучало сердце.

— Убогая! — восставал в протесте разум.

— Счастье, счастье! — сердце звало снова и снова.

Юонь очень изменился. Его больше не видели на вечеринках. Даже с Ильжей и Анелей он не хотел общаться, и на поиски невест больше не ездил. Не хотел есть даже самую вкусную еду, которую ставила перед ним мать. Его невозможно было позвать на «толку» (толоку, помочь). Все решили, что Юонь болен. Мать переживала, друзья немного скучали.

Однажды вечером, погружённый в раздумья, Юонь сидел на лавочке под дубами. Подойдя сзади, мать положила ему руку на плечо и неторопливо спросила:

«Dielen, pasoki maņ, kas tev ir? Naktīs i es navaru deļ tevi gulēt. Ka slyms esi — uorstejīs, ka bāda kaida — izstuosti.»

«Dūmoju svuotuot kaimiņu Annu...»

«Kū?» — muote nasaprozdama vaicuoja, — «kaidu Annu?»

«Ezereņu Annu. Kaimiņu Aņņeņu. Buorineiti...»

«Kuo? Itū plataci? Ubiedzi?! Voi tu gudrys?»

«Nui. Tū pošu. Voi jū, voi nivīnys cytys.»

«I deļ juos tu taidis esi?» — vaicuoja muote.

«Nui.»

«Ak, Dīvs! Kas tev, dāls, ir nūtics?! Vysod beji tik pruoteigs! Voi tik tu naesi apdzirdeits? Tei juos vacuo Muora jau ir «būrovka». Ekur, Stykuonu cyukai rūzi apbyure, i cyuka palyka vasala; es kai nagribieju juos sovā klāvā laist, myusu cyuka i nūgaisa. Tai, tai, dielen, tai byus ar tevi. Slyms tu esi. Pagaidi, sadūšu tev zuolis, i puorīs tova slimeiba.»

«Nā, muot, naasmu apbūrts. Naasmu eisti ustobā īguojis pi Annys, kur vēļ kū ieds voi dziers? Pat runuojs nicik ar Aņņeņu naasmu...»

«Kuo tod tu jamā tai īsakūdi?» — sašutumā vaicuoja muote.

«Redzieju... dzierdieju... saprotu... »

«Kū tod?»

«Annu.»

«Tod ta breinums! Sābrūs dzeivoj, kūpā gondreiž augot, nu tok redzieji. Kas par tū?»

«Ai, muot! Kas jū audzēja, kas jū kūpe, ka jei taida izauga? Kas jai kū īdeve, kam jei kuo praseja, ka jai vyss ir? Kas jū prīcynuoja, kas lūluoja, kas tai dzīd?»

«Nā, tu eistyn esi apbūrts! Vys Muora koč «večerynkā» byus tev kū īdavuse apēst voi izdzert. Redz, kur mete acs?! Iz «Ūzulu!» Nu, kai tod! Na smuodejams kimūss. Byus tok i Muorai sovs kakteņš i maizis gobols. Voi tod pateik vysu myužu pi kūdelis sēdēt?»

— Сынок, скажи мне, что с тобой? По ночам и я не могу из-за тебя спать. Если болен — лечись, если горе какое — расскажи.

— Думаю сосватать соседку Анну...

— Кого? — не поняв, переспросила мать, — какую Анну?

— Анну Эзерень. Соседскую Аннушку. Сиротку...

— Что? Эту пучеглазую? Убогую?! Ты не сошёл с ума?

— Да. Ту самую. Или её, или никого другого.

— И из-за неё ты таким стал?

— Да.

— Ах, Боже мой! Что с тобой, сын, случилось? Всегда был таким рассудительным. Или тебя опоили? Ведь её старая Муора колдунья. Вон, у Стыкуонов свинье рожу залечила, и свинья поздоровела; а я когда не хотела её к себе в хлев ⟨стайку⟩ пускать, так наша свинья сдохла. Так, так, сынок, так будет и с тобой. Ты болен. Подожди, дам тебе лекарство, пройдёт твоя болезнь.

— Нет, мать, я не околдован. Я и в избу к Анне не заходил, где уж чего съесть или выпить? Даже и не говорил с Анной вовсе.

— Чего ж ты в неё вцепился? — возмущенно спросила мать.

— Видел... Слышал... Понял...

— Кого?

— Анну.

— Ну и диво! По соседству живёт, вместе почти росли, — уж видел ведь! Ну и что с того?

— Ах, мать! Кто её растил, кто воспитывал, что она такой выросла? Кто ей дал хоть что-нибудь, у кого она хоть что-нибудь просила, что всё у неё есть? Кто её радовал, кто лелеял, кто так поёт?

— Нет, ты поистине околдован! Всё же Муора на вечеринке тебе что-то подсунула съесть или выпить. Ишь, куда глаза взметнула?! На «Узулы»! Не бросовый кусок. Будет и у Муоры свой уголок и краюшка хлеба. Разве хочется всю

Nu nā, dāls, munys acs to taidys vadaklys i taidys «svuočys» naredzēs. Nadūšu svieteibys. Bez svieteibys laimis nabyus. Kai zyni.» — Vacuo Ūzulu muote gryutim sūlim īguoja ustobā.

Lieni i gryuši ritēja dīnys i nedelis. Dorba beja daudz. Rudzi gaideja pļuovieja, popive — oruoja. Vysa saimisteiba praseja saiminīka viereiguos acs, a Juoņs vysur guoja kai svešs. Tolcuoni nūpļuove rudzus i mistru, jis pats dzyna ar meļni vogu piec vogys jaunajā rudzu laukā, a laiks vysleidza guoja gausi. Muote klusēja, i ari Juoņs klusēja. Nu kurīnis īs bolss, kas itū klusumu atdzeivynuos?

Runuotuojs itūreiz beja Juoņs.

Beja svātdīnis vokors. Ūzulu muote siedēja iz sūla storp ūzulim i skaiteja rožoncu. Juoņs, atsagrīzdams nu klaiņuošonys ⟨volkuošonuos⟩, īraudzeja muoti siežam i, daguojs kluot, suoce runuot:

«Muot, atļauņ Annu jimt!... Navaru cytaiži...»

Muote klusēja.

«Tu seņ jū zyni,» Juoņs runuoja tuoļuok. «Auga tovuos acīs. Tu zyni, ka jei ir gūdeiga i struodeiga meita. Voi gūds nav leluokais pyurs? Tok i plyka jei nav. Voi jei ir slyktuok tārpta par cytom? Nav jai varbyut pierktūs driebu daudz, bet pošys darynuota na moz.»

«Cik smolki tu vysu zyni. Voi tik jei tev naizruodeja sova pyura? Mož vacuos naudys pūds jai ir?»

«Nasasmej, mameņ. Naruodeja, bet pats itū laiku vāruoju. Vāruoju i breinuojūs, kur vysim acs ir naredzeigys i cik es pats asmu bejs oklys.»

«Oklys tu esi niule. Naredzi, ka palyki muļkis.»

«Muot, voi tys ir muļkis, kurs taisneibu runoj, kas gūdu gaismā ceļ? Voi meitys gūds nav leluokais pyurs? E! Es par tū atdūtu «Ūzulus» i vysys pyurineicys meitys, kuruos «večerynkuos» skrīn. Nā, muot, naaizturiesi mani. Pamesšu tev saimisteibu, dūdi jū,

жизнь у прялки сидеть? Ну нет, сын, уж мои глаза такой невестки и такой сватки не увидят. Не дам благословения. Без благословения счастья не будет. Как знаешь... — старая хозяйка «Узулов» отяжелевшими шагами вошла в дом.

Медленно и тяжело тянулись дни и недели. Работы было много. Рожь нуждалась в жнеце, пар в пахаре. Всё имение требовало внимательного хозяйского глаза, но Юонь везде ходил как чужой. На «толке» убрали рожь и мешанку, сам он гнал на своём вороном борозду за бороздой под молодые посеы ржи, но время всё равно шло медленно. Молчала мать, молчал и Юонь. Откуда возьмётся голос, кто оживит эту тишину?

На сей раз заговорил Юонь.

Был воскресный вечер. Мать Узул сидела на скамейке под дубами и читала розарий. Вернувшийся после блужданий Юонь увидел мать и, подойдя, обратился к ней:

— Мать, дозвожь Анну сосватать!.. Не могу иначе...

Мать молчала.

— Ты её давно знаешь, — продолжал Юонь. — Росла на твоих глазах. Ты знаешь, что она порядочная и работающая девушка. Разве порядочность не самое большое богатство. Ведь она не боса и не гола. Разве она хуже других одета? Может быть, не много у неё покупной одежды, но самотканой достаточно.

— Как хорошо ты обо всём знаешь. Уж не показывала ли она тебе своё приданое? Может и старых денег есть пуд?

— Не насмехайся, мать. Не показывала, но сам я всё это время наблюдал. Наблюдал и дивился, куда у всех глаза девались и каким я сам был слепым до сих пор.

— Слепой ты и есть. Не заметил, как стал дураком.

— Мать, разве тот дурак, кто правду говорит и честь перевозносит? Разве девичья честь не главное приданое? Эх, я за это отдал бы и «Узулы», и всех богатых девиц, которые бегают по вечеринкам. Нет, мать, не удержишь меня. Оставлю

kam gribi. Ar Annu īšu pasaulī. Pasauļs plots, vys atrassim sev tymā vītu i laimi.»

«Es poša runuošu ar Annu,» dreiži atsasauce muote.

«Nā, tu narunuosi. Zynu, kū tu jai saceisi. Piec tovys runys jei naīs pi mani par sīvu. Bet zyni, muot, ka tik ar Annu tu mani vari paturēt, bez juos es te nadzeivuošu. Redzēt, kai jū kurs cyts pajims?... Nā!»

«Jem tod...» i muote rauduodama nūguoja.

* * *

Juoņs nagribēja pi Annys īt svuotūs, kai tū dareja cytur. Jam vajadzēja paprišku ar jū nu sirds izarunuot. Jis gaideja cyta guneiguo saulis rīta, kod Anna sādātu lūgā dzīduodama, bet puorguoja vīna svātdīne i ūtra, obejis leitainys. I dorba dīnuos leits vys leja. Vacuo Muora nagoja nu ustobys uorā, tik spriede sovu kūdeli voi gulēja. Anna beja radzama tikai tik daudz, cik izguoja dasīt gūteņu azara molā, puorsīt jū, izslaukt voi padzirdeit. Juoņs navarēja atrast izdeveibys ar jū sasatikt i parunuot. Jis ari beiduos ituos sasatikšonys. Na reizi jis beja paguojs Annai garum pat napasveicynuodams. Voi tagad jei gribēs ar jū runuot, voi ticēs jam? I vysod drūsais i uzstuojeigais Juoņs palyka kauneigs i baileigs nycynuotuos nabadzeitis priškā.

Tai jis gaideja laimeiguos dīnys, laimeiguo breiža. Tys ari dagoja. Beja lelu svātku sastdīne. Vacuo Muora jau nu poša reita aizasteidze iz Aglyunu, iz atlaidom. Anna vysu dīnu rūseigi struoduoja: teireja, mozguoja, kuortuoja, pļuove gūteņai reitam zuoli — lai gūteņu varātu pamest klāvā, a poša mīreigi nūit iz bazneicu — slauceja pogolmu i izrevēja puču duorzenā pādejū zuoli. Jau sauleite guoja iz leju, kod Anna, vysu beiguse i īvaduse klāvā gūteņu, poša suoce vilktīs bazneicys drēbēs. Vēļ varēja paspēt iz vesperu ⟨nešpora⟩. Te ustobā īsasteidze Žogotu sātys saimineica.

«Aneit, voi tu īsi iz bazneicu?» — jei vaicuoja.

тебе усадьбу, отдавай её, кому хочешь. С Анной пойду по белу свету. Мир велик, найдём там себе место и счастье.

— Я сама поговорю с Анной, — быстро сказала мать.

— Нет. Ты не будешь говорить. Знаю, что ты ей скажешь. После твоих разговоров она не пойдёт за меня. Но знай, мать, что только с Анной ты можешь меня удержать, без неё я здесь жить не буду. Видеть, как её кто-то другой сосватает. Нет уж!

— Бери тогда... — и мать, плача, ушла.

* * *

Юонь не хотел засылать сватов к Анне, как делал с другими. Ему надо было прежде поговорить с ней по душам. Он ждал следующего огненного заката, когда Анна сядет у окна и запоёт. Но прошла одна неделя, затем вторая — обе дождливые... И в будние дни всё лил дождь. Старая Муора не выходила из дома — пряла свою куделю, либо спала. Анну можно было увидеть лишь привязывающей корову на берегу озера, доившей или поившей её. Юонь не находил возможности встретиться с ней и поговорить. Он и боялся этой встречи. Не раз он проходил мимо Анны, не здороваясь. Захочет ли она теперь с ним говорить, поверит ли ему? Всегда смелый и напористый Юонь стал застенчивым и неуверенным перед никем не уважаемой сиротой.

Так он ждал счастливого дня, счастливого момента. И вот тот наступил. Была суббота большого церковного праздника. Старая Муора уже с самого утра поспешила в Аглону на исповедь и отпущение грехов. Анна весь день прилежно работала: чистила, стирала, убирала, косила траву на завтра для коровы — чтобы её можно было оставить в хлеву, а самой спокойно сходить в церковь — подметала двор, прополола все сорняки в цветнике. Солнце уже спускалось, когда Анна, закончив все дела и заведя корову в хлев, стала сама переодеваться в выходную одежду. По времени она успевала к вечерне. Тут в комнату вошла хозяйка дома Жогот.

— Анна, ты пойдёшь в церковь? — спросила она.

«Īšu, siebrineic.»

«Ak, muoseņ, voi tu navarātu šūvokor palikt sātā? Tu varātu maņ izpaleidzēt. Gribīs maņ šudiņ aizīt iz nešpora, reit jau natikšu iz bazneicu. Sabrauks tuolejī rodi i vysaidi cīmeni, byus jī juo-puorjam. Ka tu palyktu šudiņ, dasavārtu munys Raibalis. Taida jei nazkuo namīreiga! Divi reizis beja nūsaruovuse, izmeideja vysus kvīšus — baile pamest. Reit otkon es tovys gūtenis dasavieršu, na-vajadzēs turēt klāvā.»

«A kai tu poša taidā svātdīnē paliksi sātā? Ļauds tyukstūšom saplyuss iz Aglyunu nu vysu molu... Voi tev nabyus grāka?»

«Kū jau, muoseņ! Šudiņ pasalyugšu, grākus izsyudziešu, i labi byus. Mož reit ar gaismeņu aizteciešu pījimt Dīva maizeiti. Kū tod dareit? Cīmeni juosajam. Ni vakar beja, ni reit byus...»

«Labi, labi. Palikšu sātā. Ej viņ iz bazneicu i Mameņu pasvei-cynoj,» nūsaceja Anna.

«Paļdis, muoseņ. Lai Dīvenš dūd tev lobu veiru...» i smaidei-dama siebrineica aiztecēja paceli.

Kū izsaceja juos smīklys? Prīcu par Annys labsirdeibu voi šaubys par «lobū veiru»? Kas tū lai zyna.

Anna palyka sātā. Kū dareit? Dorbi vysu padareiti, iz golda smuord zīdi... vyss kai svātdīnē. I Aņnenis sirdī beja svātki.

Jau sauleite suoce īkrosuot sorkonu azara iudini i zīdūšuos jur-ginis duorzā. Jau bazneicys zvonu skanis plyuda puori azaram i teirumim, aicynuodamys dīvalyudziejus iz bazneicu. Jau svātvo-kora mīrs apjēme dobu i cylvākus...

Anna īguoja duorzā. Atsasāduse iz sūla, nu kurīnis varēja re-dzēt kaiminīnis laukus i ganeibā Raibali, Anna suoce dzīduot. Dzī-duoja ilgi. Nūdzīduoja nešporu, Aglyunys himnu, Kunga Eņgeli. Redzēja, kai siebrineica, atguojuse nu bazneicys, īvede sovu Rai-bali klāvā, nu tuolīnis pamaudama Annai ar rūku kai pateiceibā,

— Пойду, соседка.

— Ах, сестричка, не могла бы ты сегодня вечером остаться дома? Ты могла бы меня выручить. Хочу сегодня сходить к вечерне, потому что завтра уже не попаду в церковь. Съедутся дальние родственники и всякие гости, надо их принять. Если бы ты могла остаться, приглядеть за моей Райбалей... Она сегодня такая беспокойная! Дважды срывалась с привязи, вытоптала всю пшеницу — боюсь оставить без присмотра. А завтра бы я за твоей коровкой присмотрела, в хлеву не надо будет держать весь день.

— Но как же ты в такое воскресенье останешься дома? Люди тысячами стекаются в Аглоу со всех уголков. Разве тебе не будет греха?

— Да что ты, сестричка! Сегодня помолюсь, покаюсь в грехах, и ладно. Может, завтра на заре сбегаю принять причастие. Что же делать? Гостей надо встретить. Не каждый день ведь они приезжают...

— Хорошо, хорошо, я останусь дома. Иди в церковь, поклонись Божьей Матери, — ответила Анна.

— Спасибо, сестричка. Пусть Бог наградит тебя хорошим мужем, — и, улыбаясь, соседка убежала.

Что означала эта ухмылка? Радость по поводу анниной доброты или сомнения по поводу «хорошего мужа»? Кто знает?

Анна осталась дома. Чем заняться? Дела все сделаны, на столе благоухают цветы... Всё как в воскресенье. И в аннином сердце тоже был праздник.

Солнышко уже стало золотить озеро и цветущие георгины в саду. Церковный звон уже плыл над озером и полями, созывая молящихся в церковь. Мир и покой святого вечера уже царил над природой и людьми.

Анна пошла в садик. Сев на скамеечку, откуда хорошо было видно соседские поля и пасущуюся Райбалью, Анна запела. Пела долго. Спела вечерние псалмы, гимн Аглоны, молитву «Ангел Господень». Видела, как соседка, вернувшись

bet jai pošai nabeja kuo dareit, i jei palyka duorzeņā, īgrymuse so-
vuos, jai vīnai zynomuos dūmuos.

Te nazkas daguoja pi žūga <sātmaļa>.

«Lobs vokors!» — saceja veirīša bolss. Anna pacēle golvu. Pi
žūga stuovēja Ūzulu Juoņs.

«Lobs vokors,» — Anna atjēme sveicīni i nūlaide skotu. Juoņs
naguoja paceli. Anna izbreinā pasavēre iz juo.

«Kuo tai verīs?» — Juoņs nūsakaunēja.

«Nikuo. Taipat viņ.»

Juoņs nazynuoja, kū tuoļuok dareit, kai īsuokt runuot. Annai
pavysam nabeja kuo jam saceit. Klusēja obeji.

«Anna, maņ beja dareišona,» — suoce jauneklis nadrūši.

«Nui?» — breinuojuos Aņneņa.

«Nui. Maņ reit kvīši juopļauņ. Lels gobols. Voi navarātu atīt
paleigā?»

«Es? Voi es?»

«Tu.»

«Voi tod jius taidā svātdīnē struoduosit?»

«Tu jau!... Pareit.»

«Nazynu. Es pi jiusu naasmu struoduojuose. Voi gribēs tova
muote?»

«Muote praseja.»

«Mani?»

«Nui.»

«Nu?»

Īsastuoja klusums. Azarmolā aizazvīdze zyrgs.

«Aņneņ, voi varu pi tevi īt duorzeņā?»

«Kam tod?»

«Parunuot.»

«Soki viņ.»

«Te navar. Kurs vēļ var dziedēt... Redzēs kaimini, ka ilgi
stuovu... Tev byus slikšuok.»

из церкви, увела свою Райбалу в хлев, помахав издали Анне рукой в знак благодарности, но у самой Анны дел не было, и она осталась в садике, погружённая в свои, одной ей известные думы.

К забору кто-то подошёл.

— Добрый вечер, — произнёс мужской голос. Анна подняла голову. У забора стоял Юонь Узул.

— Добрый вечер, — поздоровалась Анна и опустила глаза. Юонь не уходил. Анна удивленно взглянула на него.

— Чего так смотришь? — смутился Юонь.

— Ничего. Просто так.

Юонь не знал, что делать дальше, как приступить к разговору. Анна тем более не знала, что сказать. Оба молчали.

— Анна, у меня было дело, — несмело начал юноша.

— Да? — удивилась Анна.

— Да. Завтра мне надо пшеницу косить. Большое поле. Не могла бы прийти помочь?

— Я? Я-то?

— Ты.

— Разве вы в такое воскресенье будете работать?

— Тьфу!.. Послезавтра.

— Не знаю. Я у вас никогда не работала. Захочет ли этого твоя мать?

— Мать просила.

— Меня?

— Да.

— Неужели?

Наступило молчание. На берегу озера заржала лошадь.

— Анна, можно зайти к тебе в садик?

— Зачем?

— Поговорить.

— Говори здесь.

— Здесь не могу. Кто-нибудь может услышать... Соседи увидят, что я долго стою... Тебе будет хуже.

«Atej reit, kod Muora byus!»

«Nā. Tev vīnai sokoms.»

Juoņs īguoja duorzeņā i nūsāda iz puču dūbis styureiša, kur jū paslēpe jurgiņu myurs i nu garumguojieju skotu, i nu kaimiņu sātu lūgu.

Anna sēdēja iz sūla, rītūšuos saulis apgaismuota. Juoņs tagad vāruoja jū tyvumā, pavysam kluot. Atausa atmiņā liktineigais saulis rīts, kas juo sirdī īdedze guņsgrāku, i puor lyupom, pošam namonūt, suoce plyust klusi atsazeišonys vuordi.

Juoņs stuosteja nūsakauniejušajai jaunovai par nūrīta sauli, par bluožmainū azaru, par mogonom, par juos pošys motu zaltu, par «večerynkys» jaunīšim, par sovim puordzeivuojumim tymā vokorā i jiutu rassonūs, par ilgom, par ceiņu ar muoti i par izdabuotū atļuovi Aņneņu precēt.

Jaunova klausejuos šamā runā ploti izplāstom, satymsušom acim, i juos sirdī auga namīrs. Jei redzēja i saprota, ka Juoņs runuoja tai, kai beja jam iz sirds. Jis runuoja tik skaisti par jū pošu, plotaci Aņneņu: apbreinuoja juos motus, pat acs i saleidzynuoja ar puči, bet jei tok jutuos nagleita, panycynuota... Tagad Juoņa meikstais bolss i syltuo, cīneibys pylnuo volūda Aņnenis sirdī atlaidynuoja ladu. Vys syltuok i syltuok jai palyka, koč jau metēs vokors i nu azara vylka vāsums. Juoņs beidze, bet klusums vaļdeja ilgi.

«Aneit, parkū nikuo maņ nasoki?»

Anna pasavēre iz Juoņa. Tik mīreigs jis itūreiz beja! Voi tys ir tys pats Ūzulu Juoņs — lapnais i īdūmeigais boguotnīks? Tod taidis jis varēja byut? Annai dūmys rytynuojuos vīna piec ūtrys, i jei vys klusēja.

«Aņneņ!»

«Nui?»

«Īsi pi mani?»

«Nazynu.»

«Parkū?»

— Приходи завтра, когда Муора будет дома.

— Нет. У меня к тебе одной разговор.

Юонь вошёл в садик и сел на край клумбы, где его укрыла стена георгинов — и от взглядов прохожих, и от соседских окон.

Анна сидела на скамейке, освещаемая лучами заходящего солнца. Юонь видел теперь её близко, совсем рядом. Нахлынули воспоминания того солнечного вечера, который зажёт в его сердце пожар, и из уст сами собой начали течь тихие слова признания.

Юонь рассказывал смущённой девушке про заходящее солнце, сверкающее озеро, про маки, про золото её волос, про молодёжь на вечеринках, про свои переживания в тот вечер и появление чувства, про тоску, про спор с матерью и полученное позволение жениться на ней.

Девушка слушала эти слова с широко раскрытыми, потемневшими глазами, и в душе её росла тревога. Она видела и понимала, что Юонь говорил то, что было у него на сердце. Он так красиво говорил о ней самой, о глазастой Аннушке: восхищался её волосами, даже глазами и сравнивал с цветком, а она ведь казалась себе некрасивой, недостойной. Теперь мягкий голос Юоня и тёплая, полная уважения речь растопили лёд в сердце Анны. Всё теплее и теплее ей становилось, хотя надвигался вечер и с озера тянуло прохладой. Юонь замолчал. Долго стояла тишина.

— Анна, почему ты мне ничего не говоришь?

Анна посмотрела на Юоня. Каким тихим он был сегодня! Разве это тот самый Юонь Узул — гордый и высокомерный богатеи? Так он может быть и таким? Мысли Анны мелькали одна за другой, и она всё молчала.

— Анна!

— Да?

— Пойдёшь за меня?

— Не знаю.

— Почему?

«Tovys muotis baiļ. Nagrib jei mani i nagribēs, namīļuos, gryuts maņ byus.»

«Aneit, es byušu ar tevi. Nabyus pi muotis labi — īsim pasaulī.»

«Nā. Muotis navar pamest. Tu nabeji buoriņs i nazyni, kas ir muote. Es to zynu...»

«Ak, es zynu: jei tevi īmīļuos, tyvuok īpazynuse.»

«Nazynu... Pyura maņ nav...»

«Maņ byus gona deļ obeju. Apsūli!»

«Pag. Runuošu ar tovu muoti.»

«Nā. Maņ apsūli, tod obeji ar muoti atīsim... i ar svuotu... i sadzersim... Vysu, kai vajag, izdareišu. Apsūli!»

«Pagaidi! Pareit pasaceišu. Reit vēļ pasalyugšu, padūmuošu. Pasoki muotei: ka tu mani i pajimsi, par saimineicu es nabyušu. Byušu jai tikai meita, paklauseiga i laipna. Pasoki, ka Muora paliks tepat, munā ustabenā. Pasoki, ka maņ nav muotis, partū es jū mīļuošu kai eistū muoti... Pasoki...»

«Tod byusi muna?» — Juoņs prīceigi sauce.

«Nā. Pagaidi leidz pareitam. Ej tagad...» — i Aņņeņa īsasteidze ustobā.

Gryuši nūkryta durovu kliņdžs, i vyss apklusā. Juoņs lieni izguoja nu duorzeņa i nūguoja iz sovys sātys pusi. Nu muokūņa izsleidēja opols, smaideigs mieness.

* * *

Puorguoja nazcik mienešu.

Anna kai lapnuo Ūzulu Juoņa sīva dzeivuoja Ūzulu sātā. Jei beja laimeiga. Juoņs beja lobs. Nazkodejuo lepneiba i īdūmeiba nabeja atsagrīzuse, i Juoņs vys vēļ palyka taidis, kaidis beja tūvokorpuču duorzā... Ari Juoņa muote pret sovu jaunū vadaklu naizruodeja napatykys. Sovu svieteibu jei Juoņam beja davuse i pat kuozyš sareikuojuse puorpiļneigys. Poša Aņņeņa laulobu prīkšvokorā svieteibu sajēme nu sovys Mamenis Aglyunys bazneicā.

— Мать твою боюсь. Не хочет она меня, и не захочет, не полюбит. Трудно мне будет.

— Анна! Я буду с тобой. Не понравится у матери — уйдем.

— Нет, мать нельзя бросать. Ты не был сиротой и не знаешь, что такое мать. Я знаю...

— Ах, я знаю — она тебя полюбит, узнав поближе.

— Не знаю... Приданого у меня нет...

— У меня хватит на двоих. Обещаешь?

— Подожди. Послезавтра скажу. Завтра ещё помолюсь, подумаю. Скажи матери, если ты меня и возьмёшь в жёны, хозяйкой я не буду. Буду для неё только дочерью, послушной и вежливой. Скажи, что Муора останется здесь, в моей хатёнке. Скажи, что у меня нет матери, поэтому буду любить её как родную... Скажи...

— Так значит, станешь моей? — радостно воскликнул Юонь.

— Нет. Подожди до послезавтра. Иди теперь, — и Анна поспешила в дом.

С шумом защёлкнулась дверь, и всё стихло. Юонь медленно вышел из палисадника и пошёл в сторону своего дома. Из-за облака показалась круглая, улыбающаяся луна.

* * *

Прошло несколько месяцев.

Анна как законная жена Юоня Узула жила в усадьбе Узулов. Она была счастлива. Юонь относился к ней хорошо. Былая гордость и заносчивость не вернулись, и Юонь оставался всё таким же, каким был тогда вечером в палисаднике... И мать Юоня не выказывала недоброжелательства к молодой невестке. Своё благословение она Юоню дала и даже свадьбу справила пышную. Сама Анна накануне свадьбы получила благословение от своей Матушки в Аглонской церкви.

Муора жила в избушке Анны, и никто больше не омрачал и не отягощал жизнь девушки длинными разговорами.

Muora dzeivuoja Aņnenis ustabeņā, i nabeja vairs, kas suopynuotu voi nūgurdynuotu ar volūdys daudzumu. Juoņam patyka Annys dzīduošona, i jei bīži dzīduoja. Cyturiz i veira muote vylka leidza. Nivīna muokūneiša nabeja iz jaunos sīvys dabasu, i nikas namete ānys <susātiva> iz juos jaunos laimis.

Laiks guoja dreizi. Dagoja zīma. Snīgs aizputynuoja teirumus i duorzus, bet azara iudini puorkluoja bīza lada kuorta. Boltū zemis snīga sagu šur tur škārsuoja palākys ceļu streipis, bet azara lādā kai tymsi plankumi redzējuos uoliņdži, kurymūs zvejnīki zvejuoja zivs. I Ūzulu sātys tyvumā beja uoliņdžs. Nu tuo Juoņs nese Annai iudini driebu mozguošonai, partū ka okys iudiņs beja cīš cīts, uoliņdži Juoņs cyturiz i pazvejuoja.

I šudiņ jis lobu pruotu byutu pazvejuojs, tik atguoja pogosta valdis reikuojums izbaupt klaušuos. Ar napatyku Juoņs sajiudze meļni i, syli sasaviļcs, taisejuos ceļā.

Gryuta itūreiz beja sirds, kai kū ļaunu justu... I muote staiguoja nūpītina. Tik Aņneņa kai vysod vīgla i prīceiga aptecēja vysus i vysu, vysur paspieja, vysu padareja i, nu Juoņa atsavadejuse, stuoja pi baļvys mozguot drēbis, lelūs, boltūs lynu pologus i goldautus, kuri Juoņa muotei beja seviški leli i bolti.

Juoņs nūbrauce, Aņneņa mozguoja drēbis, a muote reikuojuos pa saimisteibu. Tyvuojuos pušdīņu laiks. Drēbis beja jau izmozguotys, pušdīnis sataiseitys, a Juoņa naredzēja atbraucam.

«Kas maņ atness iudiņa skoluošonai? — Aņneņa sevī nūdūmuoja. — Cyturiz atnastu pošā, a tagad navar. Mozuo dzeiveibeņa kust pi sirds, bet azars patuoli, spani leli... Okys iudiņs naskaidrys, ka tū lītuošu, veļa byus palāka...»

Dūmeiga beja Anna, pušdīnis ādūt, dūmeiga breidi pastuovēja pi lūga, vāruodama ceļu. Juoņa naredzēja atbraucūt. Anna beiguos apsavyļka, pajēme spaņus, nasamūs kuošus i laidēs piec iudiņa.

Юонь любил пение Анны, и она часто пела. Иногда и свекровь ей подпевала. Ни одного облачка не было на небесах молодой жены, и ничто не бросало тени на её молодое счастье.

Время шло быстро. Наступила зима. Поля и огороды замело снегом, озеро покрылось толстым слоем льда. Белоснежный покров то там, то тут пересекали серые дорожные колеи, а на льду озера тёмными пятнами виднелись проруби, в которых рыбаки ловили рыбу. Возле «Узулов» тоже была прорубь. Из неё Юонь носил Анне воду для стирки белья, потому что вода в колодце была слишком жёсткой. Часто там же Юонь рыбачил.

И сегодня он с удовольствием порыбачил бы, но пришёл приказ волостного начальства выехать на наёмные работы. С неохотой Юонь запряг коня и, одевшись потеплее, собрался в дорогу.

Тяжело в этот раз было у него на сердце, словно оно предчувствовало беду... И мать ходила серьёзная. Лишь Анна как обычно легко и радостно со всем управилась, везде успела, всё переделала и, попрощавшись с Юонем, встала у корыта стирать бельё, большие белые льняные простыни и скатерти, которые у матери Юоня были особенно большими и белыми.

Юонь уехал. Анна стирала, а мать занималась хозяйством. Подходило время обеда. Бельё было уже выстирано, обед приготовлен, Юонь всё не возвращался.

«Кто же мне принесёт воды для полоскания, — подумала Анна. — В другой раз и сама бы принесла, но теперь нельзя. Маленькая жизнь шевелится под сердцем, а озеро далековато, вёдра большие... Колодезная вода с мутью, если в ней полоскать, бельё будет серым...»

Задумчивой была Анна во время обеда, задумчиво постояла минутку у окна, глядя на дорогу. Юоня не было видно. В конце концов она оделась, взяла коромысло и вёдра и отправилась за водой.

«Kur tod?» — osi jū aizturēja muote. «Piec iudiņa? Es, kod beju jauna kai tu, nalyku veiram iudiņa nest, i poša nanešu, a drēbis, salykuse ragaveņuos, aizvylku iz azaru i uoliņdži izskoluoju. Na tai beju auguse kai tu. Dzeive mani lutynuoja, i to nikas maņ nanūtyka.»

Anna klausejuos puorsabeiduse. Nikod vēļ muote nabeja tai runuojuse. Itī cītī vuordi! Itys soltais bolss! Pasavēre iz muotis. Pīrē divi dzilis rīvis, izacs savylktys i ocu skotā kai naži... Jī īsadyure jaunos sīvys sirdī: nagrib juos veira muote... naatlaide jai juos nabadzeibys. Acīs muotei naidis. Tū sliepe nu Juoņa, a tagad ruoda.

«Labi, mameņ...» — klusi izdvese Aņneņa, salyka drēbis ragaveņuos i aizvylka iz azaru.

Pyute oss zīmeļu viejs. Na vīnu viņ reizi jaunovys dzeivē Aņneņa beja skoluojuse uoliņdži drēbis, bet tik gryuši nikod nabeja bejs. Driebe beja daudz, i vysy goboli leli i steivi; iudiņs azarā solts, osais zīmeļu viejs styndzynuoja slapņuos rūkys. Aņneņa palaiķam sabuoze nūsolušuos rūkys storp naskoluotajim velis gobolim, kurī vēļ turēja ustobys syltumu, i drupu apsiļdeja, bet juos par jaunu dreizi atsola i suopēja.

Tai, rūkys siļdeidama, Aņneņa nazkai tik naveikli atsaspēre iz kuojis, ka tei pasleidēja, i Aņneņa īkryta uoliņdži. Soltys, osys odotys suoce dzeļt vysu mīsu. Drēbis pīmierka i vylka iz leju. Aņneņa turējuos pi lada molys, bet rūkys stynga i zaudēja spēku. Par laimi, uoliņdžs beja izciersts pi leluo akmiņa, kurū Aņneņa ar kuojom atroda i iz juo atsaspīde. Nu nūgrymšonys jai vairs navajadzēja beitiš, tik cik ilgi tai varēja palikt ladainajā iudinī? Vajadzēja ruoptīs uorā, bet kai? Rūkys vairs nagribēja klauseit, tik cīši juos beja nūsolušys.

Te izciertuma molā Aņneņa pamaneja atsevišķi nūsvīstus nazcik pologu. Dūmuoja, ka tī vēļ nabyus vysā atdzysuši i pi jūs varēs pasiļdeit rūkys. Jei snīdzēs piec tūs i sasnēdze vīna pologa golu;

— Куда это? — резко остановила её мать, — по воду? Я, когда была молодой как ты, не заставляла мужа воду носить, да и сама не носила — складывала бельё в саночки и ходила в проруби полоскать. Не так росла, как ты. Жизнь меня баловала, и то ничего со мной не случилось.

Анна испуганно слушала. Никогда ещё мать так с ней не говорила. Эти жёсткие слова, этот ледяной голос! Анна взглянула на мать. Две глубокие морщины на лбу, брови сведены, и взгляд как нож... Он вонзился в сердце молодой жены: не хочет её свекровь... не простила ей её бедности. В глазах матери ненависть. При Юоне скрывала, теперь не прячет.

— Хорошо, матушка... — тихо выдохнула Анна, сложила бельё в саночки и потащила на озеро.

Дул холодный зимний ветер. Не раз до замужества Анна полоскала бельё в проруби, но никогда ей не было так тяжело, как сейчас. Белья было много, вещи все крупные да застывшие, вода в озере холодная, резкий зимний ветер леденил руки. Временами Анна совала замёрзшие руки в неполоסקанное бельё, которое сохраняло ещё теплоту дома, и немного отогревала, но вскоре они снова застывали и болели.

В какой-то момент, отогревая руки, Анна неловко поставила ногу, поскользнулась и упала в прорубь. Острые холодные иглы стали жалить всё тело. Одежда намокла и тянула вниз. Анна держалась за ледяной край, но руки стыли и теряли силу. К счастью, прорубь была вырублена возле большого камня, который Анна нащупала ногами и встала на него. Глубина ей больше не грозила, но как долго можно было так продержаться в ледяной воде? Надо выбираться, но как? Руки больше не слушались, так сильно они замёрзли.

Тут на краю проруби Анна заметила несколько отдельно брошенных простыней. Она подумала, что они ещё не совсем остыли и между ними можно будет погреть руки — потянулась за ними, ухватилась за крайнюю, но та оказалась за

a jis beja jau sasaļš. Gribēja jū pavilkt tyvuok i reizē ar tū cytus, bet pologs beja jau dasaļš pi lada. Kū dareit? Te Aņņeņai pasaruodeja gluobšonus cereiba: varbyut, pi itūs pīsolušūs pologu turādamos, jei varēs izaruopt uorā?...

Pīsaukuse Mamenis paleiga i sajāmuse pādejūs spākus, jau ar apsolušom rūkom Aņņeņa aizakēre aiz pologa gola, atsagryude nu akmiņa i izmuove augšā. Jei kēre tuoļuok pologūs, vēļ tuoļuok i jau leidz jūstai beja uorā. Tagad jau varēja aizsnēgt i rogovys. Aizakēre aiz tūs slīču, bet juos suoce šļukt. Aņņeņa atlaide rogovys i, tik pi pologa turādamos, nazkai izakiule nu uoliņdža. Izaruope, nūstuoja kuojuos.

Drabuļš rausteja vysu mīsu, zūbi klabēja, acīs metēs tymss. Nazcik minutuos slapņuos drēbis palyka steivys, sasola. Soltums dadzynuoja vysu mīsu.

«Nā, es te nūsaļšu,» — dūmuoja nalaiimeiguo sīvīte. «Vilķšu rogovys, paliks syltuoks.» Tod klupdama kryzdama jei i vylka, i styume rogovys iz sātu.

Itys ceļš jai izalyka bezgaleigs. Sirds jau beja izmysuma puorjimta, kod beidzūt sasnēdze pogolmu. Pusapziņā jei pīruopuoja pi ustobys durovu i kēre kliņdži.

Durovys atsadareja, i Aņņeņa kai nūpļauta puorkryta par slīksni. Tuoluokais vaira juos apzinis naaizsnēdze. Aņņeņa palyka guļūt, samaņu zaudiejuse.

Trūksnis prīšknomā ⟨siņcēs⟩ Juoņa muotei lykuos naporosts, i jei izasteidze nu vyrtuvis ⟨kuknis⟩, kur jau gataveja launogu. Siņcēs jei īraudzeja guļūšū vadaklu apladuojušuos drēbēs i par reizi aptvēre nūtykušū.

Jei to kluseibā īneida vadaklu, loba jai navielēja, bet taida iznuokuma nabeja gaidejuse. Puorsabeida. Kas tagad byus? Kū saceis Juoņš? Kas nūtiks ar Annu, bet, golvonais, ar mozū dzeiveibeņu?... Juos jai vys tik beja žāļ.

мёрзшей. Хотела подтянуть её поближе, а с ней другие, но бельё оказалось уже примёрзшим ко льду. Что делать? Тут у Анны мелькнула надежда на спасение: может быть, держась за это примёрзшее бельё, она сможет выбраться наружу?..

Призвав на помощь Аглонскую Матушку и собрав последние силы, уже обмороженными руками Анна ухватилась за край простыни, оттолкнулась ногами от камня и приподнялась. Она хваталась за бельё дальше, ещё дальше, и уже по пояс вылезла из воды. Теперь она могла уже дотянуться и до санок. Ухватилась за полозья, но санки стали скользить. Анна отпустила санки и, держась лишь за бельё, кое-как выкарабкалась из проруби. Выползла, поднялась на ноги.

Всё тело трясло в ознобе, зубы стучали, в глазах темнело. В считанные минуты мокрая одежда застыла. Холод обжигал тело.

«Нет, я так замёрзну, — думала несчастная женщина. — Потащу санки, станет теплее». Так, падая и вставая, она то тащила, то толкала санки домой.

Эта дорога казалась ей бесконечной. Отчаяние совсем уже охватило её, когда она наконец достигла двора. В полузабытии она доползла до входной двери и ухватилась за ручку.

Дверь отворилась, и Анна как подкошенная упала через порог. Дальнейшее уже не отразилось в её памяти. Анна осталась лежать без сознания.

Шум в сенях показался странным матери Юоня, и она поспешила из кухни, где уже готовила полдник. В сенях она увидела лежащую невестку в обледеневшей одежде и в один миг поняла всё случившееся.

В тайне она ненавидела невестку, не желала ей добра, но такого исхода не ожидала. Перепугалась. Что теперь будет? Что скажет Юонь? Что будет с Анной, а главное с маленькой жизнью?.. Ту ей всё-таки было жаль.

Старая женщина спешно затащила невестку в кухню, тёплой водой отогрела замёрзшую одежду, сняла её и стала

Ar steigu vacuo sīvīte īvyłka vadaklu vyrtuvē, ar syltu iudini atlaidynuoja sasolušuos drēbis, nūvyłka tuos i pošu pageibušuos vadaklys mīsu suoce treit ar snīgu. Pamozam Aņņeņai suoce atsa-grīzt apziņa. Ar veira muotis paleigu jei apsavyłka sausuos drēbēs, sasadzēre korstu teju 〈čaju〉 nu vysaidu zuoleišu, atsagula gultā, sasasedze, bet syltums nagribēja rastīs juos mīsā. Asnis, lykuos, vairs nagribēja riņčuot. Vysu mīsu suoce rausteit kai kramps, kai drudzis. Pat gulta brakšēja. Naleidzēja ni sagys i kažuki, ni korstuo iudiņa butelis. Juos mīsa sakorsa, pat kvāluoja, tik drudzis naryma.

Vālā vokorā atsagrīze Juoņs i Aņņeņu atroda jau bez samanīs.

Nakts vydā jis atvede uorstu 〈dokteri〉, tik tys izmysušuo veira navarēja īprīcynuot. Aņņeņai drudzis to nūryma, bet karstiņš īzeimēja gryutys slimeibys suokumu. Bez tuo, pasaruodeja i prīšklai-ceigu dzemdeibu pazeimis. Iz reita pusi uorsts padeve Juoņam pīdzymušū nadzeivū bierneņu, bet Aņņenis dzeiveibu sūleja gluobt.

Nalaimeigais veirs, sajiems mozū radeibeņu rūkuos, uorpruota suopēs suoce tū bučuot, beidzūt, nūlics iz golda, brīsmeguos rauduos īkryta gultā. Pi slymuos juo vėl nalaide.

Izausa reits, solts i viejains. Viejs grīze snīgu gaisā, i lykuos, ka nabeja ni dabasu, ni zemis, tik vīns bezgaleigais snīgs.

Ūzulu sātā īsaroda sveši ļauds. Nazkurs kaimiņs aizvede paceli uorstu, cyts prīšknomā syta šķiersteņu, cyts vėl nazkū reikuoja.

Vacuo Ūzulu saimineica staiguoja tymsa kai nakts, i jai drebēja zamejuo lyupa. Lūpus baruoja vacuo Muora, kuru steigā atsaucē.

Aņņeņa vys nasagrīze pi apzinīs, i Juoņs nagueja nūst nu juos gultys.

Kaimiņs nūvede paglobuot mozuo bārna mīseņu, sātys ļauds sleika kotrys sovuos suopēs.

Pi vokora vėl atbrauce uorsts i, apsaviers slymū, dryumi ziņuoja jau tai bādys salauztajam Juoņam, ka jai suocīs oss pļaušku

растирать снегом безжизненное тело невестки. Постепенно к Анне стало возвращаться сознание. С помощью свекрови она оделась в сухую одежду, выпила горячего травяного чаю, легла в кровать, закуталась, но тепло не хотело возвращаться в её тело. Казалось, что кровь застывает в жилах. Всё тело стало трясти как в судорогах, как в лихорадке. Даже кровать ходила ходуном. Не помогали ни одеяла и шубы, ни бутылка с кипятком. Тело уже стало горячим, даже горело, но озноб не прекращался.

Поздно вечером вернулся Юонь и нашёл Анну уже в беспомощности.

В полночь он привёз врача, но тот ничем не мог обрадовать отчаявшегося мужа. Озноб у Анны кончился, но жар означал начало тяжёлой болезни. Кроме того, появились признаки преждевременных родов. Под утро доктор вынес Юоню мёртвое тельце ребёнка, но жизнь Анны обещал спасти.

Несчастный муж, схватив младенца, в безумной муке стал его целовать, наконец, положив тельце на стол, со страшными рыданиями упал на кровать. К больной его ещё не подпускали.

Наступило утро, холодное и ветреное. Пурга так кружила, что казалось — нет ни земли, ни неба, лишь один бесконечный снег.

В «Узулах» появились чужие люди. Один сосед увёз домой доктора, другой в сенях сколачивал гробик, третий ещё чем-то занимался.

Старая хозяйка «Узулов» ходила мрачнее ночи с трясущейся нижней губой. Срочно вызвали старую Муору для ухода за скотиной.

Сознание к Анне всё не возвращалось, и Юонь не отходил от её постели.

Сосед увёз похоронить младенца. Домашние тонули каждый в своём горе.

К вечеру снова приехал врач и, осмотрев больную, мрачно сообщил и так уже сломленному бедой Юоню, что у

korsūņš ⟨karstiņš⟩ i ka obejis kuojis piļneigi paralizātys. Voi itys pādejais beja prīšklaiceigu dzemdeibu iznuokums voi ari tur vainojama apsasaļdiešona, uorsts navarēja pasaceit. Slymuo beja juovad iz slimineicu voi juoaicynoj iz sātu speciala kūpieja.

Gryuta liktiņa rūka kēre leidz šam naapānuotū jaunū laimi.

* * *

Jau pavasars mūdynuoja dobu iz jaunu dzeivi, jau putni atsa-grīze nu sovom bāguļu ⟨biegļu⟩ gaitom, jau azara lads suoce diļt zam karsejūšuos saulis storu, bet Ūzulu sātā laime nagribēja atsa-grīzt. Jaunuo sīva vys vēļ gulēja slimineicā, i juos kuojis nagribēja dorbuotīs, bet beja steivys kai divi bolkys.

Nazkod skaidruo, prīceiguo Aņņeņa palyka klusa, skuma, sevī nūsaslāguse. Kotrys, kurs jai tyvuojuos, izjuta dziļu, dziļu cīneibu pret zaltmatainū sīvīti, nu kurys lyupu naizguoja nivīna syudzeiba, nivīns vairs. Iz izsaceitū leidza jusšonu jei tik klusi pasmaideja voi paspīde runuotuoja rūku.

Tūmār Aņņeņa cīš cīte. Par sevi jei moz dūmuoja, partū ka sovu liktini beja atdavuse Dīva ziņā. Vysu bādu cālūņš beja Juoņš. Jei redzēja, kai par itim puors mienešim jis savecēja, kai juo motūs pasaruodeja sudobra pavadīni, kai bīži juo acs kai sastyngušys vē-rēs vīnā punktā, kai bīži jis nadzierdēja i nasaprota, kod ar jū kū runuoja. Juo sirdī beja suope, dvēselē — nakts. Jis cīte par Aņņeņu, cīte par sovu muoti.

Aņņeņa jam nabeja nikuo stuostejuse, bet jei redzēja, ka jis vysleidza vysu zynuoja. I Aņņeņa raudzeja jū mīrynuot: saceja, ka jai nikas nasuop, ka muote nav tik cīši vaineiga, ka vaineiga juos pošys naveikleiba, tik tys vyss nalaimeiguo veira naapmīrynuoja. Aņņeņa nikod narunuoja par nuokūtni, jei navarēja par tū runuot... Jei redzēja Juoņa salauztū jaunū dzeivi — spieceigu, jaunu veiru i krūplu sīvu, kas jam byus na paleigs, a nosta; redzēja lelū saimisteibu bez saimineicys; redzēja montuojumu bez maņtinīka. I ite

той началось острое воспаление лёгких, и что обе ноги полностью парализованы. Было это последнее последствием преждевременных родов или результатом переохлаждения, врач сказать не мог. Больную было необходимо везти в больницу или нанимать дома специальную сиделку.

Тяжёлая рука судьбы схватила до сих пор безоблачное молодое счастье.

* * *

Уже весна пробуждала природу к новой жизни, птицы вернулись из своих скитаний, лёд на озере стал таять под тёплыми лучами солнца, а в дом Узулов счастье не хотело возвращаться. Молодая жена всё ещё лежала в больнице, ноги её не двигались, были словно две чурки.

Некогда светлая и радостная, Анна сделалась тихой, грустной, замкнутой в себе. Каждый, кто к ней подходил, чувствовал глубокое уважение к этой золотоволосой женщине, с губ которой не слетела ни одна жалоба, ни один стон. В ответ на выражение сочувствия она лишь тихо улыбалась или пожимала руку говорящего.

На самом деле она очень страдала. О себе она мало задумывалась, потому что свою судьбу вверила Богу. Причиной всех бед был Юонь. Она видела, что за эту пару месяцев он сильно постарел, в его волосах появились серебряные паутинки, часто глаза его застывали на одной точке, нередко он не слышал и не понимал, когда с ним говорили. В его сердце была боль, в душе — ночь. Он страдал из-за Анны, страдал из-за своей матери.

Анна ничего ему не рассказывала, но видела, что он и так всё знает. Анна пыталась его успокоить, говорила, что у неё ничего не болит, что мать не так уж сильно виновата, она сама виновата в своей неловкости, но всё это не утешало несчастного мужа. Анна никогда не говорила о будущем, она не могла об этом говорить... Она видела сломанную молодую жизнь Юоня — сильного молодого мужчину и жену-калеку,

jei nīkūo navarēja saceit, naspieja mīrynuot... Jei byutu sev lyugu-
se nu Dīva nuovi, bet beiduos runuot pret Juo vaļu.

Tai puordūmuos, bāduos i bezvuordu lyugšonus Aņņeņa pa-
vadeja dīnys i nakts. Juos vaigs, tik ilgi naredziejs ni saulis, ni vie-
ja, bet bīži osoru mozguots, beja palics vysā buols, i vaigu rūzis
nūbuolēja. Leluos acs palyka vėl leluokys, beja tymsys i dzilis kai
dzeļme, kurā nīkūo navar saredzēt. Tik zaltainī moti kai agruok
sprūgu krūnī rūtuoja juos pīri i divi leluos bizēs šod tod nūsleidēja
nu gultys i snīdzēs leidz greidai.

Aņņeņu apmeklēja pazeistamī. Reizi beja atguojuse Stykuonu
Anele pastusteit par gaidomom kuozom, beja ari Strodu Iļža...
Suopeiģi beja Aņņeņai pīminēt tū reizi. Iļža it kai prīcūojuos par
juos nalaimi, tik sovaida jei beja... Tik Juoņa muote vėl nabeja be-
juse i vacuo Muora. Reizi Anna beja syutejuse jom lyugumu caur
Juoni, kab atītu, tik juos nasaruodeja.

Laiks guoja. Jau slimineicys lūgus turēja vaļā, i Aņņeņa re-
dzēja, kai kūši zaļuoja rudzu lauki, kai ļauds ora zemi i ari lūpus
suoce laist gonūs.

Skumis auga augumā. Kas struoduos «Ūzulūs»? Kas kuortuos
vysu? Vaicūojumi roduos nu jauna, i Aņņeņa nazynuoja, kū iz jūs
atsaceit.

Beidzūt atguoja vacuo Muora it kai taišni deļ tuo, kab atsaceit
iz jūs.

Jei stuosteja slymajai, kuo tei nīkod nabyutu īsadūmuojuse.
«Ūzulūs» byušūt leigta Līpnīku Veronika, skaistuo palaidne... Juo-
ņa muote asūt sacejuse: ka Aņņeņa napalikšūt vasala, Veronika
byušūt juojam par saimineicu. Juoņs ar jū registriešūtīs dzymtsa-
rokstu nūdaļā. Navarūt tok tik jauns cylvāks i taidis lels saiminīks
dzeivuot bez sīvys i saimineicys!

Daudz, daudz vėl stuosteja Muora, bet Aņņeņa tuo vairs na-
dzierdēja. Juos acīs ruodejuos malnais uoliņdžs, bezdibiņa dzeļme

которая станет ему не помощницей, а ношей; видела большое хозяйство без хозяйки и наследство без наследника. И тут она ничего не могла сказать, не могла успокоить... Она попросила бы у Бога смерти, но боялась перечить Его воле.

Так, в раздумьях, горе и молчаливой молитве Анна проводила дни и ночи. Лицо её, так давно не видевшее ни солнца, ни ветра, но часто омываемое слезами, стало совсем бледным, розы щёк побелели. Большие глаза стали ещё больше и темнее, глубокие как омут, в котором ничего не видно. Лишь золотые кудряшки, как и раньше, обрамляли лоб, а две длинные косы то и дело спадали с кровати и свисали до пола.

Анну навещали знакомые. Однажды приходила Анеля Стыкуон рассказать о приближающейся свадьбе, была и Ильжа Строд... Больно было Анне вспоминать её посещение. Ильжа будто бы радовалась её несчастью, так странно себя вела... Не было только свекрови и старой Муоры. Однажды Анна через Юоня передала им приглашение, чтобы пришли, но они не приходили.

Время шло. Окна больницы уже держали открытыми, и Анна видела, как ярко зеленело ржаное поле, как люди пахали землю и начали выгонять пастись скотину.

Тоска росла всё больше. Кто будет работать в «Узулах»? Кто будет всё улаживать? Вопросы появлялись снова и снова, и Анна не знала, что на них ответить.

Наконец пришла старая Муора, словно для того, чтобы разрешить них.

Она рассказывала больной то, чего сама Анна никогда бы не подумала. В «Узулы», дескать, будет нанята Вероника Липник, хорошенькая греховодница. Мать Юоня будто сказала, что, если Анна не поправится, Веронику придётся оставить за хозяйку. Юонь регистрируется с ней в ЗАГСе. Не может же такой молодой человек и крепкий хозяин жить без жены и хозяйки!

Много чего ещё рассказывала Муора, но Анна этого уже не слышала. Ей привиделась чёрная прорубь, бездонная глу-

i Juoņs, kurs guoja aizsītom acim... Vēļ sūļs, i Juoņs kriss, i gluobīņa nabyus.

Tod jei vēļ redzēja savu ustabeņu i sevi tī: gultā... vīnu... I ra-
teņa grīzt jei vairs navarēs... Acīs saplyuda osorys. Pieški redzie-
jums mainejuos. Jei īraudzeja sorkonu sauli, kurei laidēs azara
dzeļmē, redzēja mogonu zīdus caur lūgu, dzierdēja «Kunga Eņge-
ļa» zvonus i sovys mierstūšuos muotis pādejūs vuordus: «Mame-
ņa... Aglyunā... tev... par... muoti...»

«Muoreņ, Muoreņ, lai Juoņs atbrauc!» — jei klusi lyudzēs...

«Nabrauks tagad. Vajag zemi art, māsli ⟨syudi⟩ juovad, dorba
daudz, bet struodnīku moz. Sovu nav i svešu navar dabuot. Kod
jau tagad pi tevi braukt?»

«Muoreņ, narunoj tai. Juoņs atbrauks. Pasoki, ka cīši praseju.
Jis jau mani žāloj... Pasaver — sierms jau palyka.»

«Kai lai napalīk sierms?» — tīpēs vece, — «Muote ēde nūst
vysu laiku. Pret juos, dzie, grybu tevi jiems, Dīvs i nadeve laimis.
Lai vysmoz tagad asūt pruoteigs... lai tevi pamatūt...»

«Muoreņ, tys nav tīsa, muote tai navarēja runuot.»

«Redz... narunuoja... Voi ta es nazynu? Cytim dzieržūt jau
narunuoja, a vīnam jam pylnu golvu pīpyute. Kam to tū Veriņku
jēme?»

«Soki Juoņam, ka cīši praseju...»

«Nabrauks,» — Muora atmete ar rūku.

«Pasaceisi, Muoreņ?»

«Nu tok pasaceišu...»

Vysu izrunuojuse, Muora nūguoja paceli.

Solta, malna nakts apjēme Aņnenis dvēseli. Voi jau ari Dīvs
byus jū atstuojs ⟨pamets⟩? Voi Mameņa naapsažāluos?

* * *

Juoņs nabrauce. Aņneņa suoce ticēt Muorys vuordim... Slimi-
neicys uorsts īsaceja slymajai braukt iz sātu, partū ka vysi leidzek-

Бина, и Юонь, шедший с завязанными глазами... Ещё шаг и Юонь упадёт, и спасения не будет.

Ещё она видела свой домик и себя в нём: в постели... одну... Даже прялку свою она не сможет крутить... Глаза наполнились слезами. Вдруг видение изменилось. Она увидела красное солнце, которое опускалось в глубь озера, видела цветы маков через окно, слышала звон на «Ангел Господень» и последние слова умирающей матери «Матушка... Аглонская... тебе... за... мать...».

— Муора, Муора, пусть Юонь придёт! — тихо попросила она...

— Не поедет сейчас. Надо землю пахать, навоз вывезти — работы много, а работников мало. Своих нет и чужих негде взять. Когда уж теперь к тебе ездить?

— Муора, не говори так. Юонь приедет. Передай, что я очень просила. Он ведь меня жалеет... Посмотри — поседел уже.

— Как не поседеть, — ворчала старуха, — мать ест поедом. Против её воли, дескать, тебя взял, вот Бог и не дал счастья. Пусть хоть сейчас поумнеет... пусть тебя бросит...

— Муора, это неправда, мать не могла такого сказать.

— Смотри-ка... не могла... Разве я не знаю? При других, конечно, не говорила, а ему уж все уши прожужжала. Зачем тогда эту Вероничку взяли?

— Скажи Юоню, что я очень просила...

— Не поедет, — Муора махнула рукой.

— Скажешь, Муорушка?

— Ладно, скажу...

Наговорившись, Муора ушла.

Холодная чёрная ночь объяла душу Анны. Неужели и Бог её оставил? Неужели Матушка не сжалится?

* * *

Юонь не появлялся. Анна стала верить муориным словам... Больничный врач посоветовал ехать домой, ибо все

li izlītuoti i jam cereibu iz Aņnenis izuorstiešonys vaira nabeja. Slimineicā gulēt naasūt nūzeimis, bez tuo i vīta asūt juoatbreivoj cytim slymajim. Bet Juoņs nabrauce, i Aņneņa navarēja jam tuo paziņot. Beiguos jei praseja uorsta, kab tys aizlaistu Juoņam rokstu, i gaideja, kas byus.

Piec nedelis Juoņs atbrauce jai pakaļ. Beja kluss, mozruneigs, dryums... Aņneņa navarēja saprast, kas slēpēs juo sirdī i pruoatā. Vys tik jis pats iznese slymū nu slimineicys, pats īsādynuoja rotūs, uzmaneigi aplyka sagys ap slymajom kuojom, uzmaneigi i brauce, apbraukdams kotru ceļa dūbeiti, kotru akmisteņu, kab nabyutu satrycynuojumu, a klusēja...

Klusādami jī brauce, klusādams Juoņs īnese slymū juos ustobā, apguļdeja gultā i nūguoja.

Līpnīku Veronika kūpā ar muoti atnese slymajai ēst i nūguoja. Leidz vakareņom nivīns naīguoja...

Jau tymsā slymajai padeve vakarenis, piec tam īguoja i veirs.

Beja izliecs mieness i apgaismuoja slymuos ustobu. Juoņs atsasāda pi lūga... klusēja. Aņneņa vairs navarēja ituos klusiešonys pacīst, partū ka navarēja saprast, kas ir aiz juos. Voi Muorys stuostam beja taisneiba i Juoņam vairs nabeja kuo runuot, voi Juoņs bezmiereigi cīte?... Aņneņa lyudzēs:

«Juoneit... nūved mani iz munu muojeņu. Muora mani apkūps... Te vysim byušu par nostu... Ved mani...»

Juoņs nūkryta ceļūs pi Aņnenis gultys i, golvu damīdzs pi juos steivūs kuoju, rauduoja.

* * *

Vosora guoja iz beigu, a Aņneņa vys palyka veira muojā. Jū kūpe vacuo Muora, cytys sīvītis pi juos nāguoja.

Vokorūs vysod īguoja Juoņs, pastuosteja dīnys nūtykumus i otkon nūguoja. Laiks vylkuos tik gausi; slymajai lykuos, ka tys pat pavysam var apstuot.

средства были испробованы и надежды на выздоровление Анны у него больше не было. Лежать в больнице, мол, нет смысла, кроме того, и место надо освободить для других больных. Но Юонь не приезжал, и Анна не могла ему это сообщить. Наконец она попросила врача послать Юоню письмо и стала ждать, что будет дальше.

Через неделю Юонь приехал за ней. Был тихим, неразговорчивым, мрачным... Анна не могла понять, что скрывалось в его голове и сердце. Всё же он сам вынес больную из больницы, сам усадил в телегу, заботливо укрыл одеялом больные ноги и ехал внимательно, огибая каждую ямку, каждый камушек, чтобы не было тряски, но молчал...

Молча они ехали, молча Юонь занёс больную в её комнату, уложил в кровать и ушёл.

Вероника Липник вместе с матерью принесли больной еду и ушли. До ужина никто не появился...

Уже затемно больной дали ужин, потом зашёл и муж.

Взошедшая луна освещала комнату больной. Юонь сел у окна... Молчал. Анна не могла больше вынести это молчание, потому что не могла понять, что за ним кроется. Или муорины рассказы были правдой, и Юоню не о чем было больше говорить, или он бесконечно страдал?.. Анна взмолилась:

— Юонь, увези меня в мой дом. Муора станет за мной ухаживать... Здесь я для всех буду обузой... Увези...

Юонь упал на колени возле кровати Анны и, прижав голову к её неподвижным ногам, заплакал.

* * *

Лето близилось к концу. Анна жила в мужнем доме. За ней ухаживала старая Муора, другие женщины к ней не заходили.

По вечерам всегда приходил Юонь, рассказывал дневные новости и снова уходил. Время тянулось так медленно... Больной казалось, что оно может и совсем остановиться.

Tai dagoja lelūs atlaidu prīškvokors, kurā godu īprīkš izlēce Aņnenis laimis sauleite...

Vysi nūguoja iz nešpora, tik Juoņs palyka pi Aņnenis. Šūvokor jis beja naporosti sirsneigs i vysaiži jū prīcynuoja. Aņneņa gribēja īsaminēt par paguojušū godu, bet pi pyrmūs vuordu Juoņs jū puor-trauce i runuoja kū cytu... Aņneņa nasaprota... Bet jei šudiņ gribēja runuot, gribēja praseit...

I papraseja.

«Juoneit, nūved mani reit iz Aglyunu!...»

«Iz Aglyunu?» — Juoņs breinuodamīs vaicuoja.

«Nui. Nūved, Juoneit!»

«Kū tu tī dareisi? Aņneņ, nasasyrdi! Padūmoj poša, kū tu tī dareisi, taidā ļaužu bīzumā?»

«Nazynu, Juoneit. Zynu, ka tu navariesi mani vysur kliepī iznosuot, saprūtu, ka gudruok byutu palikt sātā, bet sirds tai valk. Nūved! Vysmoz par gobolu grybu Mameņu redzēt i lyugt...»

«Labi. Brauksim ar gaismeņu. Ļaužu byus mozuok...»

«Juoneit, maņ ruodīs, tu mani vēļ žāloj...» — Aņneņa poša nūsabeida par itim vuordim.

«Anna!» — aizaklīdze Juoņs i izskrieja nu ustobys.

Reits ausa skaidrys. Austrumūs dabasi rūtuoja vysaiduos kruosuos. Rosa iz teirumu tai i mirdzēja.

Juoņs ar Annu brauce rotūs iz Aglyunys pusi. Anna pasabreinoja, parkū Juoņs jiudze rotūs meļni?

«Byus lobuok sēdēt,» — paskaidruoja Juoņs.

Aglyunys bazneica nabeja tuoli. Tikkū braucieji apbrauce nallelū mežeņu i izbrauce kaļneņā, varēja jau redzēt boltūs bazneicys tūrņus, kuri it kai iznyra nu zaļūs kūku.

Leidz pakolnam Aņneņa, pusguleiš pussiedeiš braukdama, klusi lyudzēs, tik juos kryuts namīreigi cyluojuos i sirds cīši sytuos. Izbraucs kaļneņā, meļņs iz breiža apsastuoja, kai elpu atvyldams.

Так наступил канун большого церковного праздника, во время которого год назад взошло солнце аннушкиного счастья...

Все ушли к вечерне, лишь Юонь остался с Анной. Сегодня он был необычайно сердечен и всячески веселил её. Анна хотела вспомнить о прошлом годе, но при первых же словах Юонь прервал её и заговорил о другом... Анна не поняла... Но сегодня она хотела говорить, хотела просить...

И попросила.

— Юонюшка, отвези меня завтра в Аглону!..

— В Аглону? — удивлённо переспросил Юонь.

— Да. Отвези, Юонюшка.

— Что ты там будешь делать? Анна, не обижайся. Подумай сама, что ты там будешь делать, в такой толпе народа?

— Не знаю, Юонь. Я знаю, что ты не сможешь меня везде на руках носить, понимаю, что разумнее было бы остаться дома, но сердце так зовёт! Отвези! Хоть издали хочу увидеть Матушку и помолиться...

— Хорошо. Поедем с рассветом. Народу будет поменьше...

— Юонь, мне кажется, что ты меня ещё жалеешь... — Анна сама испугалась своих слов.

— Анна! — воскликнул Юонь и выскочил из комнаты.

Утро было ясное. На востоке небо расцветилось разными красками. Роса на пашнях так и сверкала.

Юонь с Анной ехали на телеге в сторону Аглоны. Анна удивилась, почему Юонь запряг в телегу вороного?

— Будет лучше сидеть, — объяснил Юонь.

Аглонская церковь была недалеко. Как только путники обогнули небольшой лес и въехали на горку, они увидели белые башни церкви, словно вынырнувшие из зелёных деревьев.

До пригорка Анна, ехавшая полулёжа-полусидя, тихо молилась, только грудь её взволнованно вздымалась, и сердце сильно стучало. Поднявшись на горку, вороной на минутку остановился, словно переводя дыхание.

Te pieški nūtyka kas nagaideits: ar skaļu saucīni «Mameņa, duorguo!» Aņneņa izavēle, izkryta nu rotu i palyka guļūt puteklī.

Juoņs apskrieja ap rotim i atsamete pi juos iz ceļagolu. Puorsabeids jis vaicuoja:

«Aņneņ, kas tev? Celīs.»

«Nā. Pag... pag...» — čukstēja ⟨šveikstēja⟩ slymuo.

«Voi sasasyti? Kai tu varieji izkrist?»

«Gribieju. Poša gribieju...»

«Ak, Dīvs! Kas tev īt pruotā?» — Juoņs napacīteigi īsasauce. — «Dūd, īceļšu atpakaļ.»

«Nā, Juoneit. Nabrauķšu tuoļuk. Ruopuošu leidz Mameņai, šliukšu... i žielesteibys lyugšu...»

«Anna, tai navar! Suoks tiuleņ ļauds braukt...»

«Lai. Brauc tu, Juoneit, iz prīšku! Pamet mani te...» — Aņneņis leluos acis beja osoru aizlītys.

«Labi... Zyrgu īdzeišu itymā pogolmā... Īšu ar tevi...» — gryuši nūsaceja Juoņs i aizdzyna zyrgu.

Aņneņa palyka ceļa molys puteklūs iz vaiga. Tuolumā dzierdējuos rotu reibiešona. Aņneņa pacēle osoru pylnuos acs iz bazneicys tūrņu i, saukdama: «Mameņa, duorguo!», suoce raudzeit ruoptīs... i... ceļūs kuojis varēja lūceit...

Aņneņa pasacēle iz ceļagolu... Varēja nūstuovēt! Tuoļuk beidos pakustēt. Redzēja jau īmam Juoni i, saukdama jū, stīpe iz juo pusi rūkys.

Juoņs, īraudzejs Aņneņu ceļūs stuoveišu, laidēs skrīt, cik spieja. Daskriejs pats nūkryta ceļūs i apkēre sīvu.

«Juoneit, celīs i mani pīceļ...» — čukstēja Aņneņa.

Juoņs pīsatoryka kuojuos i, sajiems sīvu zam padušu, stypri turādams, nūstateja kuojuos.

«Atlaid, Juoneit... Ruodīs... nūstuviešu...» — rauduodama čukstēja Aņneņa.

Тут вдруг случилось непредвиденное: с громким возгласом «Матушка, милая!» Анна вывалилась из телеги и осталась лежать в пыли.

Юонь обежал вокруг телеги и упал перед ней на колени. В испуге он спросил:

— Аннушка, что с тобой? Вставай!

— Нет, погоди... погоди... — шептала больная.

— Ушиблась? Как ты могла выпасть?

— Хотела. Сама хотела...

— Ах, Боже мой! Что тебе пришло в голову? — Юонь нетерпеливо воскликнул. — Давай, посажу обратно.

— Нет, Юонюшка, дальше не поеду. Буду ползти до Матушки... и молить о милости...

— Анна, нельзя так. Сейчас начнут съезжаться люди...

— Пусть. Езжай, Юонюшка, вперёд. Оставь меня здесь...

— Огромные глаза Анны были залиты слезами.

— Ладно... Заведу коня в этот двор... Я пойду с тобой... — тяжело проговорил Юонь и повёл коня.

Анна осталась лежать ничком в дорожной пыли. Вдали слышалось дребезжанье телеги. Снова Анна подняла полные слёз глаза на церковные башни и, взывая «Матушка, милая!», пыталась ползти... и вдруг почувствовала свои ноги...

Анна поднялась на колени... Смогла удержаться! Дальше она боялась пошевелиться. Она увидела возвращающегося Юоня и, зовя его, протянула к нему руки.

Юонь, увидев Анну стоящую на коленях, побежал к ней изо всех сил. Подбежав, сам упал на колени и схватил жену в объятья.

— Юонюшка, вставай и меня поднимай... — шептала Анна.

Юонь вскочил и, взяв жену под руки и крепко держа, поставил её на ноги.

— Юонюшка, отпусти... Кажется, устою... — плача шептала Анна.

Juons atlaide vīnu rūku, ar ūtru sīvu vēl turādams. Aņņeņa varēja nūstuovēt, i Juons atlaide ūtru rūku, atsakuope sūli atpakaļ. Aņņeņa stuovēja. Tod... jei spēre sūli... i bolsā rauduodama i gavy-luodama kryta veiram ap koklu.

«Mameņa izgluobe! Juoneit! Izgluobe!»

Garum pabrauce nazkaidis pajiugs, tuo braucieji ar smaidim nūsavēre iz ceļa vydā apsakārušū jaunū puori.

Lēce skaidra, rūtojūša saule. Bazneicā zvaneja iz «Kunga Eņgeli».

Юонь отпустил одну руку, но другой всё-таки осторожно поддерживал жену. Анна могла стоять!.. Юонь отпустил вторую руку и отступил на шаг. Анна стояла. Потом... она сделала шаг... и в громких рыданиях и ликования обхватила мужа за шею.

— Матушка спасла! Юонюшка! Спасла!

Мимо них проехала повозка, и люди с улыбкой посмотрели на обнявшуюся посреди дороги молодую пару.

Вставало ясное переливающееся солнце. В церкви звонили к молитве «Ангел Господень».

